70 лет Иркутской области

В ГОСТЯХ У АЛИБЕРА

ГРАФИТОВЫЙ РУДНИК АЛИБЕРА...

Хобта Александр Викторович, канд. ист. наук, сотрудник Музея истории ВСЖД
Снопков Сергей Викторович, канд. геол.-минерал. наук, учитель Култукской средней школы

Для Сибири, особенно для сойотов, в середине XIX в. алиберовский рудник был по меньшей мере фантастическим явлением. 400 с лишним километров от Иркутска, сотни километров от ближайшего жилья, в суровой, совершенно не доступной местности, куда и сегодня можно добраться только вертолетом, и вот там появился оазис культуры, и не просто культуры, а культуры с западноевропейским оттенком...

Ботогольский рудник привлекал всех. Каждый исследователь Южной Сибири считал своим долгом осмотреть его. И это продолжалось десятки лет. На Ботогольском гольце были: Т. Аткинсон (1858), Крыжин (1858), Ф. Львов (1859), Г. Радде (1859), П.А. Кропоткин (1865), И.Д. Черский (1873), Л.А. Ячевский (1896), В.Л. Комаров (1902). Посчастливилось побывать там и нам, авторам этой статьи, причем дважды – в 2002 и 2003 гг.

С 1851 г. Жан-Поль Алибер посвятил свою жизнь графитовому делу и в течение восьми лет упорного труда он достиг поистине изумительных результатов, которые создали ему действительно заслуженную славу крупного организатора и упорного борца против суровой природы. Надо побывать в этих глухих углах саянской тайги, чтобы представить и оценить те трудности, которые Алибер преодолевал за сотни верст от ближайшего постоянного жилья, чтобы развить крупную по тем временам горную промышленность. На оголенной вершине, выше линии тайги, на высоте 2221 м, среди снегов, иногда державшихся до конца мая, иногда вновь выпадавших уже в средине июня, разрабатывались залежи графита.

После длительного и утомительного путешествия на автомобиле, а затем с рюкзаком по едва заметной тропинке по болотам и тундрам, перебираясь через ручьи и речки, подвергаясь нападению насекомых, мы достигли давно ожидаемого чуда – Ботогольского гольца. Он открылся только в конце путешествия, неожиданно, сразу. Ощущение неестественности. Кругом почти лунный пейзаж. Вершина вся изрыта канавами и закопушками, кругом кучи камня и среди них черный графит. За 150 лет существования месторождения его накопилось много: мелкие, средние, крупные кусочки. Видны остатки советской и зарубежной техники: огромные электродвигатели, насосы, трансформаторы, буровые коронки, трубы и даже шахтные электровозы. Все изуродовано и исковеркано. Это так называемая постсоветская эпоха. Однако время не стерло все следы от алиберовской деятельности. Сохранились искусно выложенные каменные стенки, откосы, поддерживаемые каменными кладками, ипподром, система водоснабжения.

Отвал горной породы, вынутой из рудника Ж.-П. Алибера. Фото авторов. 2003 г.

О саянском графите заговорили не сразу. Первые куски графита были найдены в 1838 г. Но только в 1854 г. было обнаружено месторождение. И лишь в 1856 г. член Вольного экономического и минералогического общества России М. Хотинский отмечал: «Недавно сделана у нас находка. Не только любопытная в научном отношении, но и чрезвычайно важная в отношении техническом, открывающая в нашем отечестве совершенно новую отрасль промышленности, в которой мы, вероятно, весьма долгое время останемся без соперников на целом земном шаре»[1]. Речь шла об открытии Ботогольского месторождения графита.

Первые литературные данные о минералах и породах Ботогольского гольца появились в работах академика Н. Кокшарова. Затем – во множестве заметок и статей, помещенных в различных журналах и периодических изданиях, как на русском, так и на немецком языках[2]. Много писали о саянском графите и в советское время[3].

До конца XIX в. графит имел два употребления: из него изготавливались карандаши и плавильные тигли. С 1590 г., когда началась разработка Борроудельского графита в Англии, весь мир шел на поклон к англичанам. Продолжалось это всего каких-то 250 лет. Но с 1840 г. добыча этого, в то время драгоценного минерала прекратилась – месторождение истощилось. Тогда началась переработка отвалов: бросовый графит толкли и прессовали большим давлением посредством паровой машины. Само собой разумеется, что изделия из такого материала были гораздо хуже, чем сделанные из естественной сплошной графитовой массы. Однако делать было нечего, других месторождений в мире не было.

Карандашная фабрика Фабера в Нюрнберге выпускала, по сведениям очевидцев, превосходные карандаши из саянского графита, и получалось так, что Россия, владея единственным во второй половине XIX в. в мире

месторождением графита, получала по высокой цене карандаши, сделанные за границей из русского материала. Карандаш в Иркутске стоил 20–25 коп. за штуку[4]. Это, конечно же, было очень дорого.

Британское правительство назначило премию за ввоз в Англию большого количества графита. Он был поистине драгоценен. За фунт чистого минерала платили по 40 руб. серебром.

В те годы, когда по поручению Министерства уделов в горах Восточного Саяна разведывал нефрит Г.М. Пермикин, недалеко работал другой первопроходец сибирского горного дела – молодой француз Алибер, имя которого во второй половине XIX в. было очень хорошо известно и в Иркутске, и в Петербурге, и за границей, так как название карандашей «Алиберовский или Сибирский графит» сделалось нарицательным, своего рода торговой маркой графита высшего качества.

Изучая историю открытия и эксплуатацию ботогольского графита, в первую очередь, следует обратить внимание на Алибера как личность. Судя по документам, это был неординарный человек – иностранец. Этим, очевидно, хоть как-то можно объяснить некоторые необычные, странные для россиян черты в его характере и в стиле его жизни. В настоящей статье мы и хотели бы обратить внимание именно на эту сторону деятельности Алибера.

Начать можно с того, что Алибер и Г.М. Пермикин хорошо знали друг друга, хотя ни тот, ни другой в своих отчетах ни одним словом не обмолвились об этом. По заверению польского ссыльного Б.И. Дыбовского, Алибер был учителем французского языка и парикмахером[5] в доме Пермикина, проживавшего в Култуке, и, скорее всего, у последнего он и наслушался рассказов о богатствах Саянских гор. Не без влияния Пермикина Алибер взялся за свои большие дела и, можно предположить, вскоре стал его конкурентом[6].

В свое время академик Александр Евгеньевич Ферсман назвал Алибера пионером сибирской горной промышленности. Конечно же, это сказано слишком скромно. Деятельность Алибера в Восточном Саяне заслуживает других эпитетов, и об этом пойдет речь по ходу нашего исследования.

Русский подданный Алибер родился в 1820 г. во Франции в семье промышленника среднего достатка, через 14 лет он отправился в Англию, где быстро освоил коммерческое дело. Вскоре он стал первостатейным тавастгусским[7] купцом, и уже в 1837 г. он переехал в Петербург, где «держал парикмахерское заведение»[8] и начал меховое дело. А какое меховое дело без Сибири. Повидимому, закупка меха познакомила его в 1846 г. с Сибирью. Эта совершенно «дикая» страна приняла его как своего. В то время Алибер имел в Красноярске и Иркутске магазины с мелочными галантерейными товарами, и уже через несколько лет сделался крупным золотопромышленником и продавцом мехов. Параллельно с этим он не чурался давать сибирякам уроки французского языка. Он брался за все что мог, как и подобает истинному предпринимателю. И в то же время тайно готовился к совершенно иному: к обогащению и прославлению своего имени за счет сибирских богатств.

Открытие Алибером знаменитых графитовых месторождений сам он относил к 1840-м гг. Он так излагал историю открытия им месторождения графита в Восточном Саяне: «В 1846 г., быв по торговым делам в Восточной Сибири, сделал я несколько поездок на линии водораздела рек Иркута, Китоя, Белой и Оки с целью осуществить давно питаемое мною желание отыскать хороший графит. Во многих местах этих горных стран я встречал разные валуны графита, и, наконец, после долгих постоянных трудов и усилий мне представился счастливый случай открыть коренное месторождение этого минерала в одном из отрогов Саянского хребта, в недрах Ботугольского гольца, лежащего невдалеке и почти в равномерном расстоянии от истоков вышеозначенных четырех рек»[9].

Жан-Поль Алибер

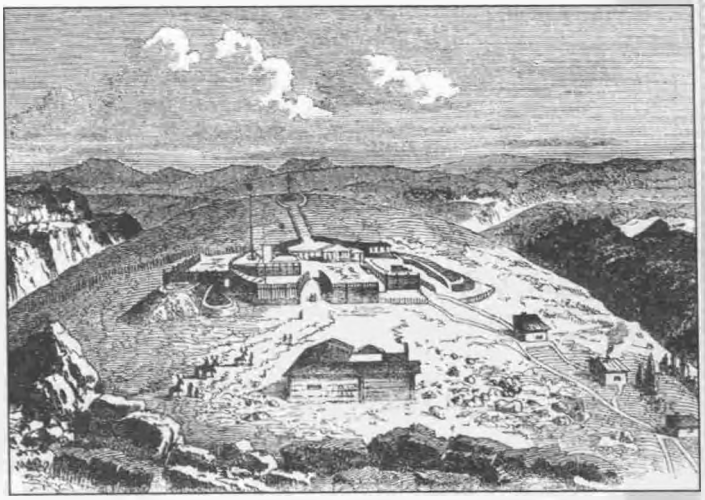
В его проспектах можно было прочитать любопытную фразу: inventeur du graphite de Siberi (изобретатель сибирского графита).

Во второй половине XIX в. это так и воспринималось. Когда речь идет об открытии месторождения, нельзя буквально понимать слова Алибера. Он действительно открыл коренное месторождение графита, но у него были надежные основания для этого, о чем Алибер никогда и ни в каких своих публикациях не рассказывал. Поэтому справедливости ради следует дополнить Алибера.

В 1876 г., когда были напечатаны автобиографические страницы тункинского казака Черепанова, стало ясно, как Алибер пришел к открытию Саянского месторождения графита[10].

По сведениям Черепанова, было так. В 1838 г. в Тунке пристав С.И. Черепанов от своих часов расплавил свинцовые гири для пуль бурятских охотников, когда у них кончился свинец. Гири были обтянуты листами меди, и буряты, присутствующие при плавке, посчитали, что свинец получился из меди. Через некоторое время в том же 1838 г. офицеру Черепанову сойоты принесли куски черного блестящего камня, который они приняли за свинец, и предложили ему как материал для пуль. Они сказали ему: «Вот, нойон, ты из меди делаешь свинец, а мы имеем целую гору свинцовой руды, а свинцу из нее добыть не умеем». Они описали ему местность, где эти куски были найдены. Черепанов съездил туда, но, не предвидя выгоды от разработки графита, и тем более по отправлении графита в Москву получив из Белокаменной «мнение не благоприятное графитовому делу», поэтому оставил это обстоятельство без особого внимания до 1847 г. В 1842 г. крестьянин Кобелев добыл по указанию Черепанова и доставил на Иркутский солеваренный завод 30 пудов графита по 2 руб. серебром. Но графит, взятый с поверхности, был невысокого качества, смешан с известью и песком, и анализ, сделанный на Тельминской фабрике, показал, что для огнеупорных «горшков» он не пригоден[11].

В 1847 г., находясь в Петербурге, Черепанов представил несколько образцов тункинского графита в Министерство финансов, и не кому-нибудь, а прямо министру финансов Ф.П. Вронченко (1844–1852) и просил его месторождение взять в казну. Департамент Горных и Соляных дел провел анализ графита и, обсудив дело в экономическом плане, не посчитал нужным практическое при-


Алиберовский графитовый прииск. Иллюстрация из книги «Живописная Россия». Т. XII. Восточная Сибирь

Карандаш фирмы Фабера

менение графита. Согласно журналу Горного департамента от июля 1847 г. министерство предоставило Черепанову право «извлечь из своего открытия такую пользу, какая ему заблагорассудится», то есть воспользоваться всеми выгодами, которые могли случиться в связи с открытием графита. Вследствие этого решения Черепанов не нашел для себя ничего лучшего, как продать за 300 руб. серебром свое право разрабатывать графит предпринимателю Алиберу. Но и Алибер, приобретя почти даром месторождение, не очень рассчитывал на графит, а по свидетельству его биографа, совершил покупку с целью отыскать здесь месторождения алмазов и изумрудов[12]. Таким образом, это была не случайная сделка, состоявшаяся потому, что Алиберу некуда было вкладывать капитал и он решил рискнуть искать какой-то графит.

Однако следует заметить, что сам Алибер рассказывает совершенно иную историю приобретения месторождения. Понимая, насколько важно было открыть графитовое месторождение после 1840 г., он принимал все возможные меры к достижению этой цели. Готовясь заранее к этому, он решил познать процесс изготовления карандашей. Для изучения карандашного производства и приобретения необходимых знаний Алибер два раза (в 1844 и 1846 гг.) посетил Францию, побывал также в Германии, Швейцарии и Англии (Кумберлендское графство и Борроудельские графитовые рудники)[13].

В этом состоит еще одна необычная черта в характере Алибера.

С этого времени Алибер начал предпринимать настойчивые действия для образования компании, которая смогла бы приступить к разработке графита. Ему долго не удавалось организовать товарищество и привлечь к делу дополнительные капиталы, хотя он имел помощь от некоторых капиталистов. Несмотря на все старания Алибера, он мог осуществить свое желание только в 1851 г., когда объединился с капиталистом Ф.П. Занадворовым, пожертвовавшим на совместное предприятие 35 тыс. руб. серебром. Но прежде, чем он отыскал графит, Алибер не раз был под угрозой полного разорения, и не раз ему грозила тюрьма за долги. Только поэтому он вынужден был в 1851 г. составить товарищество с Ф.П. Занадворовым, доставившее ему впоследствии крупные неприятности[14].

В 1856 г. Алибер подружился с известным изготовителем карандашей И. Фабером (г. Нюрнберг, Германия), которому он и начал поставлять графит «в весьма большом количестве»[15].

Но начал разработку месторождения Алибер самостоятельно в 1847 г. на самой возвышенной точке Боготольского гольца. Правда, официальное разрешение (отвод земли) был произведен в 1848 г. Прииск был назван Мариинским. Алибер был обязан добывать ежегодно не менее 100 пудов (1,6 т). При этом он имел десятилетнюю льготу по уплате налогов[16].

В течение двух лет велась разработка верхних слоев прииска, но графит выходил неважного качества. Казалось бы, можно прекратить работы, однако между плохим графитом попадались прожилки высококачественного камня. Прожилки были незначительные, и добывать их не было смысла, но это была надежда, перспектива, и, забегая вперед, скажем, что она оправдалась. Но для этого предстояло еще много работать.

Для отыскания лучшего графита необходимо было усилить разведку по площади и глубине. Нужны были кредиты. Государство в то время кредиты не давало, а частных лиц, решивших рискнуть, долго не находилось. В конце концов, в 1850 г. Алибер получил небольшой кредит от иркутского купца Е.А. Кузнецова. В том же году купец умер, а его дело перешло в руки его родственника, отставного чиновника Фавста Занадворова.

Этот капиталист повернул дело так, что Алибер вынужден был в 1851 г. составить с ним товарищество по разведке графита с условием, что Занадворов вносил 55 тыс. руб. Алибер составил договор так, чтобы Ф.П. Занадворов стабильно финансировал разработку графита, а в будущем и строительство графитовой фабрики в Москве или другом месте.

В 1853 г. было добыто около 200 пудов графита, который, однако, не совсем удовлетворял Алибера. Большая часть графита шла в отвалы. В то время на прииске работало 47 рабочих: бурильщики, кузнецы (они работали в дневную и ночную смену), подъемщики и сортировщики графита, плотники, фельдшер, казаки. В период с 1847 по 1853 гг. на разведку было истрачено 62 пуда 6 футов пороху, но результата не было.

Алибер не сдавался. Ему удалось усилить разведку, доставив на прииск почти 100 человек. Рабочие, по словам Алибера, непрерывно, круглосуточно (в две смены) и круглый год вгрызались в землю и пробили капитальную шахту (18 м глубины и 38 м в окружности).

В 1853 г. графитовый прииск осмотрел горный ревизор полковник Родственный. В рапорте Горному отделению Главного Управления Восточной Сибири он сообщал, что переработано более 2,5 тыс. куб. м породы[17]. При этом одну треть составлял графит. Однако успеха все еще не было.

Карта района расположения графитового рудника Алибера («Горный журнал». – 1853. – Ч. 2. – Кн. 5.)

Такая безуспешная работа продолжалась до 3 февраля 1854 г., до того дня, когда в боковой штольне, названной Мариинской, был вынут графит, по словам Алибера, «превосходнейшего качества». «В это время, – писал Алибер, – продолжая работы с таким же рвением, я был поражен чрезвычайным оборотом моего дела, поставившим меня в самое затруднительное положение: гнездо графита, которое залегало довольно большой массой, вдруг совершенно выработалось, и далее представились одни только разломы пластов гранита, в трещинах которого едва только заметны были признаки графита. Судя по этим знакам, я предположил, что в этом месте, после пережима (про-

странство которого предугадать было невозможно), я найду присутствие того же минерала. Будучи в столь неблагоприятных обстоятельствах, превозмогая все препятствия, поставленные мне самой природой, не страшась предстоящих работ и оставаясь равнодушным к мнениям других, я, убежденный вполне, принял твердую решимость продолжать начатые и с таким терпением в течение многих годов производимые поиски, почему и приступил к дальнейшему углублению в каменных твердынях едва сокрушимого гранита, на пространстве 204 кв. м».

«Таким образом, после восьмилетних неусыпных, тяжких трудов и лишений всякого рода судьбе угодно было осчастливить меня своими благими дарами, и терпение мое было вознаграждено полным успехом, открытием 3 февраля сего 1854 г. в боковой разведке, называемой Мариинской, действительно превосходнейшего качества графита, того самого достоинства, какого я желал»[18].

К концу 1854 г. из Мариинской штольни было добыто до 400 кг графита[19]. Этот год считается началом разработки высококачественного полезного ископаемого.

Успех Алиберу обошелся дорого. Он вложил в разведку более 80 тыс. руб. серебром, имея при этом (особенно в начале разработки) большие лишения, какие только могли быть в столь диком уголке природы[20]. И только настойчивость, только вера в успех, а это было невозможно без специальных знаний, ну и, конечно же, везение позволили Алиберу достичь конечного результата.

Полное осознание того, что Алибер добывает на Мариинском (Ботогольском) прииске графит самого высокого качества, пришло к нему только в 1856 г. По оценке Алибера, графита с учетом первого сорта, который можно было прессовать, было много. Геологическое строение массива как будто бы говорило о перспективе разведки новых месторождений. Алибер воспрял духом. «Теперь я чувствую себя как будто переродившимся, – писал Алибер, – энергия опять появилась, и я готов поработать, как бы скорее разбогатеть»[21].

Образцы ботогольского графита были направлены в Петербург. 21 января 1856 г. в заседании Вольного экономического общества докладчик сообщил, что на алиберовском руднике «под толстым слоем гранита[22], которого уже пробито 24 сажени, найден большими гнездами чистый графит, плотного и однородного строения»[23]. В заседании Минералогического общества в Санкт-Петербурге 22 января 1856 г. профессор Ф. Куторг сообщил о доставленных в общество образцах графита с Ботогольского гольца.

Появляются сообщения о разнообразии минералов, встречавшихся на Ботогольском гольце: циркон, желтый канкринит, апатит, магнитный колчедан, железный шпат, голубой содалит, флюорит, пироксен, волластонитоподобный минерал и оловянный камень. Причем минералы в Петербург, в Минералогическое общество, доставил лично Иркутский губернатор К.К. Венцель[24].

В декабре 1856 г. между Алибером и владельцем карандашной фабрики в Штейне близ Нюрнберга Иоганном Фабером был заключен договор на поставку графита. А Алибер с Ф. Занадворовым обязывались поставлять графит исключительно Фаберу и его наследникам. В течение пяти лет (1856–1861) необходимо было поставить 2500 пудов графита. Приветствовалась и сверхлимитная поставка.

Фабер был обязан делать из алиберовского графита карандаши не хуже английских. Все расходы по строительству фабрики и продаже карандашей ложились на Фабера. За фунт графита Фабер обязывался платить 10 франков.

Алиберу разрешалось привозить в Россию через Петербургскую таможню ежегодно в течение пяти лет до 200 пудов карандашей с пошлиной 40 коп. с пуда.

Обязательства по поставке графита Фаберу были выполнены досрочно. В 1858 г. у Фабера было заготовлено большее количество графита, чем то, которое предусматривалось договором.

В то же время между Алибером и Ф.П. Занадворовым расширялась пропасть недопонимания. Занадворов

Остатки деревянного лотка для воды на руднике Ж.-П. Алибера. Фото авторов. 2003 г.

сомневался в выгодности предприятия, уменьшал и затягивал финансирование, упрекая Алибера в лишних тратах на добычу и нерентабельность доставки в Германию графита только высшего качества и в неиспользовании отвального графита. В свою очередь Алибер жаловался генерал-губернатору о невыполнении Занадворовым обязательств по финансированию графитовой фабрики. При этом откупиться от Занадворова не удавалось. Когда золотопромышленник и судовладелец Бенардаки предлагал через Алибера передать Занадворову 50 тыс. руб. за отказ от участия в товариществе, тот запросил в два раза большую сумму, когда же было предложено 100 тыс., то и от этой суммы Занадворов отказался.

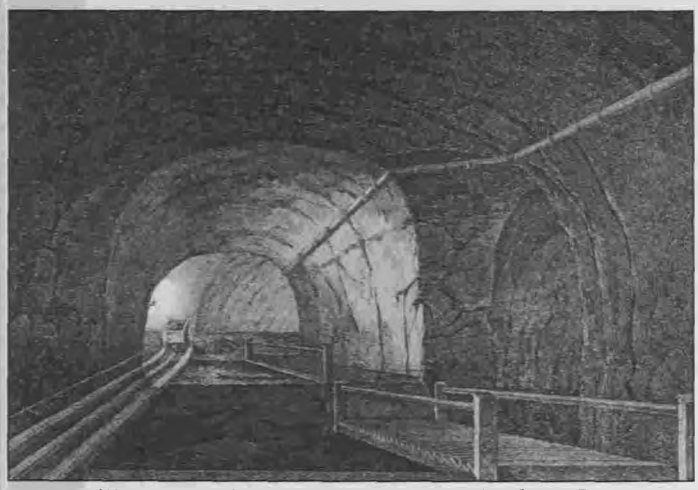
Графит с Ботогольского гольца в Германию отправлялся по Московскому тракту до Петербурга и уже оттуда в Нюрнберг. Стоимость провоза составляла 6 руб. 80 коп. с пуда (1858). Алибер находил возможным отправку графита по Амуру, затем морем, тогда стоимость по предварительным подсчетам снижалась до 2 руб. с пуда, но время в пути увеличивалось до 15 месяцев.

Алибер не стеснялся везде рекламировать свою деятельность. Он отправлял образцы в столицу и за границу. Он с удовольствием принимал посетителей у себя на гольце. Он с некой импозантностью писал, что «Европа с напряжением следит за развитием дела».

К 1858 г. алиберовское дело достигло своего расцвета. В трудах Сибирской экспедиции помещено описание путешествия прапорщика Крыжина в 1858 г. от крепости Тунки по речке Оке через Норинхоройский караул и по долине речки Каштак на графитовый рудник Алибера.

Крыжин посетил рудник в пик его деятельности[25]. По его словам, «шахта проведена на глубину 210 футов. Графит до-

Дорога с заимки Ж.-П. Алибера на графитовый рудник. Литография С. Дюнзингера (Дюнцингера). Из книги: Alibert J.P. La mine de Graphite de Siberie. Paris, 1865



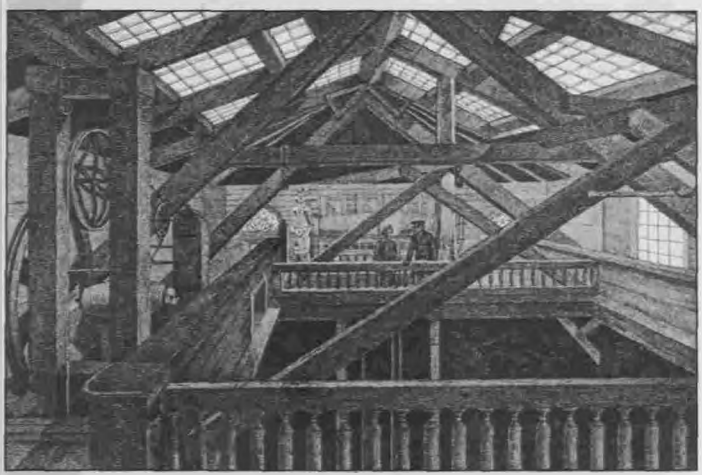
Штольня графитового прииска Ж.-П. Алибера. Литография С. Дюнзингера (Дюнцингера). Из книги: Alibert J.P. La mine de Graphite de Siberie. Paris, 1865

бывался из боковых жил, от этого произошли большие пещеры. Распространение графитовых жил не ограничивается глубиной 240 футов; напротив, можно ожидать, что ниже находится еще больше графита и лучшего качества, потому что, чем глубже шли до сих пор, тем минерал становился превосходнее».

Английский путешественник Т. Аткинсон посетил голец в июне 1858 г. Рудник его поразил. «...Мы достигли прииска, который находится на вершине горы, имеющей совершенно вид купола; около этой горы расположены другие, гораздо значительные высоты, между тем как на востоке воздымаются высокие гранитные утесы, которые кажутся как бы в развалинах, потому что часть их низверглась в ближайшую долину. Алибер принял нас с большой любезностью, и я нашел, что он весьма дельный человек. Рудник в то время состоял из шахты, имевшей 6 м в диаметре и 15,2 м глубины. Я спустился в нее по деревянной лестнице; стены шахты были покрыты толстым слоем льда, почему мне невозможно было отличить один минерал от другого. Несколько больших кусков графита (карандаша) превосходного качества, были показаны мне г. Алибером; он считает, что они качеством своим превосходят лучший Кумберландский графит. Судя по пробе, которую я сделал этому графиту, я думаю, что он не уступает лучшим образцам графита, какой до сего времени был добываем, и лучше большей части находящегося ныне в употреблении. Алибер употребил значительные суммы денег на это дело. Я искренне желаю ему успеха в его предприятии»[26].

В 1859 г. алиберовский прииск обследовал сотрудник Горного отделения Главного Управления Восточной Сибири Ф. Львов (сослан в Сибирь по делу петрашевцев).

Рапорт Львова Иркутскому военному и гражданскому губернатору К.К. Венцелю от 4 июля 1859 г. представляет особый интерес. В нем Львов описал общее состояние прииска.



Внутренний вид павильона над входом в рудник Ж.-П. Алибера. Литография С. Дюнзингера (Дюнцингера). Из книги: Alibert J.P. La mine de Graphite de Siberie. Paris, 1865

Его поразила как сама технология работ, так и эстетика труда и быт рабочих. Все было организовано на высоком уровне. Горные работы на прииске велись по всем правилам горного дела. Они состояли из шахты глубиной 13,5 саж. по вертикали и открытых работ, вытянутых в направлении с северо-востока на юго-запад от шахты к часовне на протяжении 483 саж. и имевших до 50 саж. ширины. В них на глубине 6 футов во многих местах отмечались хорошие куски графита.

Кроме того, в 40 саж. к западу от главной шахты и еще дальше, в 100 саж. от нее, были обнаружены выходы графита, заставлявшие предполагать присутствие новой жилы этого минерала.

Запасы графита, по определению Львова, составляли 7 млн пудов.

Отмечая образцовую постановку дела на руднике, Львов полагал, что при хорошей пище, которую получали на прииске рабочие (1,5 ф. мяса, 12 золотников крупы, хлеб без ограничения и два раза в день чай с молоком), 13-часовой рабочий день для них не был утомительным. Работы на руднике начинались в 5 часов утра и заканчивались в 7 часов вечера, с перерывами в 1 час для обеда.

С 1 января по 1 мая 1859 г. было извлечено 12 куб. саж. породы, причем на эти извлеченные 33 696 пудов породы приходилось 446 пудов первосортного графита и 600 пудов графита худшего качества.

Приведенные цифровые расчеты Львова вызывают сомнение в своей правильности. Прежде всего поражает цифра 33 696 пудов для веса 12 куб. саж. породы. Принимая в среднем вес 1 куб. сажени породы 1200–1500 пудов, мы получим для вынутых 12 кубов цифру от 14 400 до 18 000 пудов. Таким образом, естественно предположить опечатку в данной цифре и считать ее за 13 696 пудов, иначе пришлось бы считать вес 1 куб. саж. вынутой породы 2808 пудов, что явно невозможно.

Конечно же, к подсчетам Львова относительно общего запаса графита в месторождении следует относиться очень осторожно, ввиду того, что при неправильном, гнездообразном, залегании его в породах Ботогольского гольца трудно определить запасы графита без производства больших разведочных работ.

К моменту приезда Львова на прииске разрабатывалась шахта, а на поверхности с северо-запада на юго-восток разрабатывалась канава.

Сама шахта – это не просто на скорую руку сколоченное сооружение из бревен и досок. Сама шахта – это произведение искусства. В ее строительство было вложено много фантазии, чтобы придать обычному утилитарному сооружению необычный, эстетически безупречный вид. Это видно и на алиберовских рисунках.

Кроме горных выработок на Ботогольском гольце имелась развитая инфраструктура. Алибер построил все необходимые здания и сооружения для успешной работы прииска. Более того, по описаниям, людей, посетивших алиберовский прииск, там можно было видеть много того, чего, конечно же, не было на сибирских объектах такого рода.

Знакомясь с материалами об Алибере и его руднике, не перестаешь удивляться тому, что сделал француз на одной из многих тысяч вершин Саянских гор. Это образцовое, самое передовое показательно-учебное предприятие с элементами коммунистического и социалистического труда или все-таки обычный рудник для совершенно простой при капиталистической системе отношений цели – извлечения собственной прибыли?

С учетом того, что прииск находился на высоте более 2 тыс. м над уровнем моря, на гольце, то есть в отсутствие древесной растительности, куда каждое бревно для горной крепи и строительства помещений приходилось поднимать по крутому склону на высоту до 600 м, можно представить какой труд был вложен в каждый фунт добытого Алибером графита.

Ботогол был обустроен превосходно. Все было сделано по законам эстетики. На площадке горы были сооружены все необходимые строения, но в каждой мелочи их, начиная с домов рабочих и кончая «виллой» самого владельца, сквозили тонкий вкус, изящество и стремление художественными формами скрасить скучную жизнь. На гольце находились: часовня, дом для рабочих, «вилла» Алибера, склады, парники, угольный сарай и другие постройки. Важным элементом инфраструктуры был громоотвод – бревно с набитой на него проволокой, которое на рисунках видно в виде высокой мачты (вкопанную в камни часть бревна, спиленного неизвестно когда, можно видеть и сегодня). Те здания и сооружения, которые находились на склоне, были поставлены на искусственные подпорные стенки. Все постройки были обнесены высоким забором. Со стороны Тунки – оригинальный въезд в виде забора подковообразной формы с проездом в вершине изгиба.

Весь этот «райский уголок» располагался на восточном склоне Ботогола, который соединялся с массивной горой, увенчанной конической вершиной, где Алибер поставил крест (горный инженер Л.А. Ячевский после посещения рудника предложил называть эту гору «Крестовой», с тех пор она так и называется).

Рядом с рудником стоял весьма удобный и изящный дом Алибера с верандой и садиком на восточной стороне, отдельной обширной кухней и гостиной – на западной. В доме – столы накрыты скатертью, мебель, шкафы, переполненные посудой, самовары, в столе на веранде газеты. Покои хозяина были обустроены со вкусом: веселые обои, картины. Алибер – творческая личность. Страсть к рисованию, кажется, и раскрылась у него здесь в полной мере. Он понимал, где он находился, он понимал, что там, в Западной Европе, все происходящее на гольце покажется в диковинку, и поэтому рисовал в первую очередь свое предприятие – шахту, ферму, дорогу.

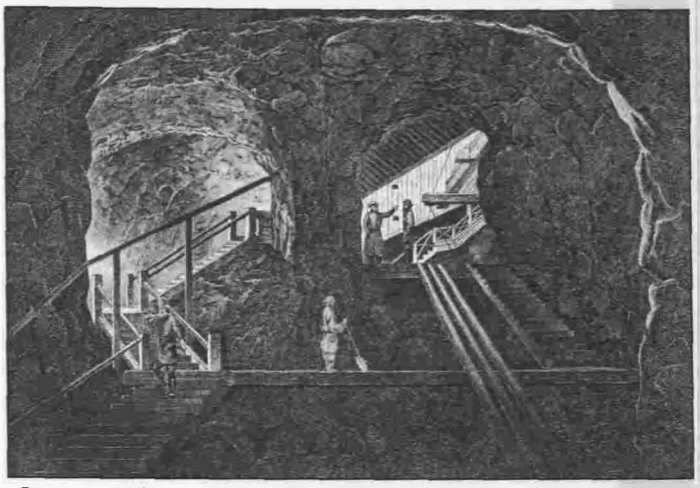
Голец – это, прежде всего, ветра. П.А. Кропоткин писал: «Сильный, порывистый западный ветер, сопровождавшийся шквалом от северо-востока и потом задувший постоянным леденящим потоком из западных гольцов, холодил кровь в наших жилах, когда, забравшись на голец, мы принуждены были ехать высоко над речкой Ботоголом по западному склону гольца. Едва-едва добрались мы до прииска, где скоро начали немного отогреваться в одной из бань, скрывающихся на восточном склоне гольца»[27].

Для защиты от ветров, которые здесь на вершине горы были довольно часты, особенно в межсезонье, Алибер соорудил специальные ветрозащитные стены из пород, извлеченных из подземной выработки. Высота этих стен внушительна – более 6 м, ширина значительна – более 5 м, а протяжение удивительно – более 100 м. Кроме того, были построены два особых ветрореза (ветроотвода) высотой свыше 10 м и более 30 м длины, защищавших постройки от снежных заносов. Только благодаря этим постройкам можно было в плохую погоду безопасно перемещаться по гольцу. Как все продумано! Нам довелось видеть эти стенки (некоторые из них сохранились). Зрелище впечатляющее!

Упомянутый садик на восточной стороне дома Алибера и найденный Г. Радде еще в цветущем состоянии представлял интерес. В нем находились растения с долины Ботогола и Ханчина: лилии, Trollius asiaticus L., Aconitum Napellus, Veratrumalbum L., Saussurea, Aster, Sedum. Еще одна сторона алиберовской натуры: находить в речных долинах необычной красоты саянские цветы, пересаживать их в свой сад, ухаживать за ними, чтобы они прижились.

Внешнему благоустройству поселка отвечало и роскошное устройство самого рудника, отнюдь не напоминающее обычных грязных, темных и мокрых копей. Алиберовская шахта для добычи графита – это не шахта в обычном понимании слова. Это чудо дивное в пустынной высокогорной стране, удаленной на сотни километров от, скажем так, сибирской цивилизации и на тысячи километров от европейской.

Снаружи она представляла собой не перекошенное разностороннее сооружение, а совершенно правильное здание



Спуск к забою графитового рудника Ж.-П. Алибера. Литография С. Дюнзингера (Дюнцингера). Из книги: Alibert J.P. La mine de Graphite de Siberie. Paris, 1865

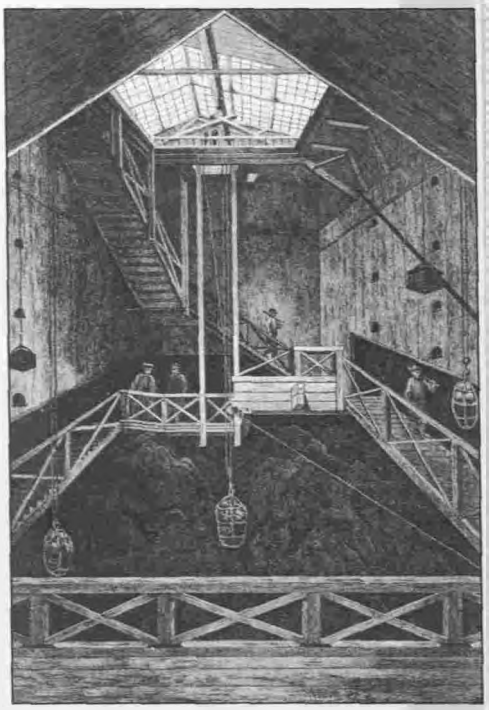
со стеклянной крышей, витражами и флюгером с надписью «1847 г.». Внутри шахта была не темная с узкими и крутыми лестницами, с которых надо было спускаться, держась обеими руками за ступеньки, чтобы не сорваться, а достаточно освещенная. В алиберовской шахте, спускаясь под землю, люди забывали, что они находились в руднике, если бы не подъемная машина, висящая над головой, то можно было подумать, что находишься в подземном дворце. Широкая пологая лестница с красивыми перилами и площадками вела на 17 м вниз, под землю. Но и это еще не все. В забое начинались боковые штольни, шедшие на 12 м в глубину и оснащенные также прочными и удобными лестницами. Именно здесь добывался тот чистейший графит, который создал славу Мариинского рудника.

Освещение было свечное, но полумрака не ощущалось. Местами стены шахты были обшиты доской. Для обеспечения рабочих свежим воздухом к забою вела воздуховодная труба. Для подъема руды и пустой породы имелись подъемные механизмы. В забое, приглядевшись, можно было видеть большое количество пробуренных шпуров[28] – их сверлили сталью. Следовательно, горнопроходческие работы велись самыми передовыми для того времени способами и средствами труда.

Пустая горная порода из рудника вывозилась в отвал, представлявший собой не груду каменных обломков, а аккуратно выложенное, камешек к камешку, сооружение, напоминавшее неправильную усеченную пирамиду, на верхнюю площадку которой поднимали камни по спиральной дорожке.

Можно смело сказать, что рудник был образцовым в техническом отношении, и это признавало Горное отделение Главного Управления Восточной Сибири.

Кропоткин попал на рудник в 1867 г. В это время работы уже не велись, но он подроб-



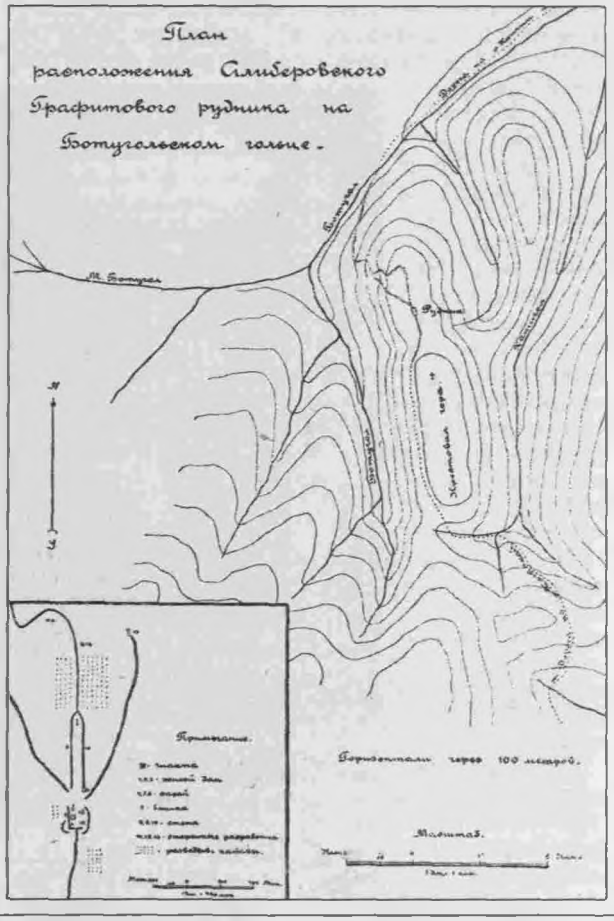
Устройство для подъема графита из рудника. Литография С. Дюнзингера (Дюнцингера). Из книги: Alibert J.P. La mine de Graphite de Siberie. Paris, 1865

Фрагмент дороги Ж.-П. Алибера. Фото авторов. 2003 г.

но осмотрел шахту, которую описал так: «Шахта идет сперва отвесно на глубину 18,6 м, к которым нужно придать еще 0,75 м, то есть толщину льда, лежащего на дне шахты. На высоте 3,3 м от дна начинается вторая опоковая шахта, идущая наклонно вбок. По приблизительному вычислению отвесная глубина этой наклонной шахты должна быть не менее 37 м и не более 43 м»[29].

В дополнение к изданию «Землеведения» К. Риттера приведем описание путешествия И.Д. Черского на алиберовский рудник, совершенного им в 1873 г.

По И.Д. Черскому, «со дна просторной шахты, именно с ее южной стороны, направляются две параллельные орты на юго-восток 15°, из которых западная короткая, с двумя входами по бокам оставленной породы в виде крепи, тогда как восточная орта длинная и наклонно углубляющаяся вниз, причем на своем продолжении она представляет сначала значительное расширение, укрепленное оставленною посередине массою породы с двумя короткими боковыми разведками, следующими в две противоположные стороны (восток и запад), а еще далее, ближе к концу орты, она вторично расширяется двумя боковыми разведками, из которых западная несколько длиннее восточной, и поворачивается к югу, куда, очевидно, предполагали продолжать работы параллельно конечной части главной орты». Отвесную глубину подземных выработок Черский принимал равной 172–192 фута (52–58 м)[30].



И.Д. Черский, отмечая в исследованной области два различных по времени горообразовательных процесса, Тункинский и Китойский, не мог не дать оценку возраста графита и считал, что «графит Ботогольского гольца следует, быть может, рассматривать, как эквивалент угольных флецов Иркутской губернии»[31].

Теперь выйдем из шахты на поверхность. Сама шахта со временем была соединена галереей с кухней для рабочих. Там кухарка ставила обед и металлическим звоном приглашала горняков к трапезе. Каждый работник подходил к шкафу брал свою ложку, а если это был утренний чай, то свою монгольскую деревянную чашку. Суп из говядины с крупой или картошкой, пусть и не самый смак, но с добрым ломтем свежевыпеченного хлеба, которого не отмеривали и не отвешивали, а ели досыта, и с зеленью, выращенной тут же на собственном огороде (буквально рядом с кухней стояли парники для выращивания овощей), конечно же, был вкусен, особенно после работы, да еще и в изящно оформленной обстановке.

Как уже говорилось, с большим трудом и на высоту почти 600 м доставлялось все, в том числе овес, уголь, а также и питание для рабочих. Трудно себе представить: завозить уголь за сотни верст и мускульной силой поднимать на огромную высоту.

Проблема с водой решалась проще. На северном склоне гольца, в нескольких сотнях метров от шахты, бил небольшой ключ (он бьет и сейчас). Алибер устроил его в желоба из кедрового леса и выкопал два колодца для сбора воды. Так был сделан оригинальный водозабор, который сохранился и по сей день.

Внизу на прекрасной террасе долины речки Ботогол, окруженной со всех сторон гольцами с остроконечными пиками и покрытой в нижней части темнохвойной тайгой, Алибер организовал так называемое подсобное хозяйство. Говоря простым языком, это была заимка Алибера, построенная по принципу широко распространенных в Сибири поселений. На заимке были большой удобный дом владельца рудника и теплые помещения для скота (до 20 голов) и лошадей. На ферме также имелись и «хохлатые курочки». Кроме того, здесь были бараны, собаки, кошки. Скот приводился сюда по реке Белой и содержался для прииска. Посредине большого двора заимки была построена высокая и просторная юрта с большими стеклянными окнами, то есть по типу, не принятому у здешних народов. Юрта эта была предназначена Алибером для сойота, служившего караульным на руднике. Однако сойот воспринимал окна в юрте как излишнюю и не принятую у них прихоть, поэтому завесил их тряпьем, вернув юрте первоначальное состояние.

На заимке был огород, на котором с большим трудом выращивали мелкий картофель, редис, капусту, редьку.

Своим подсобным хозяйством француз преследовал две цели: обеспечить питанием рабочих и привить навыки оседлого скотоводства и земледелия сойотам. И это ему удалось. Как на паломничество приходили сюда сойоты смотреть на неведомые для них приемы скотоводства. Этому дикому племени, которое знало лишь диких маралов, и о жизни которого Россия впервые узнала от Пермикина, вся деятельность Алибера казалась божественной, а его заботливость и помощь внушали веру в чудодейственную силу иноземных пришельцев. Очевидцы писали, что сойоты преклонялись перед деятельностью Алибера и с удивлением смотрели на католическую часовенку, по их пониманиям – «обо», которую Алибер построил на самой вершине горы.

Для сортировки графита было предназначено специальное здание. Оно находилось при въезде на рудник по тункинской дороге. Рядом со зданием тянулась невысокая каменная стенка, возможно, служившая для загрузки ка-

равана вьючными сумами с графитом. Здесь же сохранилось необычное каменное сооружение, возможно, для установки образа и совершения молебна перед дальней дорогой.

В здании выбирались лучшие куски, распиливались и укладывались в кедровые ящики (один из пиленых кусков нам удалось найти). Сортировкой занимался сам хозяин. Только он знал, какие требования предъявлял к графиту известный во всем мире немецкий фабрикант Иоганн Фабер. Рабочие заготавливали тысячи кедровых ящиков. Они стояли стопками, ожидая товара для отправки в Нюрнберг. Алибер особое внимание уделял кускам, обладавшим древовидным строением. Куски весом 5–6,5 пудов (80–104 кг) упаковывали в ящики и отправляли в Германию караванами лошадей, куда графит приходил через полгода.

Ф. Львов, инспектируя рудник, заметил, что он нигде не видел небрежно заколоченного ящика, как это могло быть на любом сибирском прииске. Гвоздей просто не было – применялись шурупы. Кругом чистота и порядок[32].

Очищение души происходило тут же, рядом. Надо было пройти по дороге, выложенной по краю камнем, на самую вершину гольца. Точно в центре гольца, на самой маковке, в 177 м от шахты, стояла маленькая, но весьма красиво отделанная часовня, богато убранная внутри. Окна из цветных стекол. Внутри убранство выполнено в сочетании православного, католического, готического и византийского стилей, по стенам образа древних и современных мастеров иконописи. Между ними два хромолитографических снимка со старинных образов XIV в. На столе, обитом розовой тафтой с кружевами и украшенном цветами, лежало Евангелие в богатом переплете. На приступочке еще несколько маленьких образов. Все изящно, все гармонично. Вход в часовню – по ступеням из двух каменных плит.

В целом жизнь на гольце была монотонной. Лишь случайно зашедшие сойоты да вновь прибывшие рабочие вносили элемент свежести в бытовую повседневность. Из развлечений только первобытные занятия: рыбалка да охота. Но чтобы посвятить себя этому, отдыхавшим рабочим необходимо было преодолеть немалый путь вниз в долины речек Ботогол и Ханчин.

Ж.-П. Алибер был простым человеком, его, как сейчас принято говорить, не заносило. По воспоминаниям сойотов, они поставляли Алиберу скот, перевозили ему грузы. За все он платил хорошо. Давал деньги вперед, когда просили. Помогал также хлебом, чаем, сахаром из своего запаса. Никому не было отказа. Учил, как содержать скот, как садить картошку, капусту. Здоровался за руку. Чаем поил у себя в доме, в своей «вилле». Показывал дом, скот и рудник и все рассказывал. Сойоты его любили. Были его друзьями. Перед тем как уехать с гольца, Алибер позвал своего друга Шандона попрощаться. Был в этот день веселый. На следующий день рано утром Алибер уехал, оставив в доме все как было[33].

В промежутках между сортировкой графита и писанием картин Алибер занимался метеорологическими наблюдениями, геологическим описанием горных выработок, изучал астрономию, в которой он, впрочем, был дилетантом так же, как и в названных выше областях знаний, в художестве и инженерном искусстве. Преуспевал он и в скульптурном творчестве: из больших кусков графита вырезал чаши, вазы, художественные барельефы, скульптуры.

Метеорологический пост Алибера находился прямо у него в доме. Алибер измерял температуру воздуха и определял направление ветра. Он вел метеорологический дневник, чуть ли не за все время пребывания на прииске. По его данным, например, наиболее частый ветер на Ботоголе – западный. 553 раза в году дул именно этот ветер[34]. Дневник Алибера не затерялся, а в конце XIX в. попал в руки директора Иркутской обсерватории А.В. Вознесенского (ранее его исследовал Г. Радде). Метеорологические наблюдения, по словам А.В. Вознесенского, очень ценны, хотя низкая годовая температура по Алиберу у него вызывала сомнения.

Кропоткин также сомневался в объективности измерений Алибера. Термометр, по словам Кропоткина, был повешен неправильно. Когда он был на гольце 27 мая, в 8 часов

Вид с горы Крестовой на прииск Ж.-П. Алибера. Литография С. Дюнзингера (Дюнцингера). Из книги: Alibert J.P. La mine de Graphite de Siberie. Paris, 1865

вечера «солнце ударяло на него», а на веранде он не нашел другого гвоздя, на который переносился бы термометр. Сама веранда должна была нагреваться, и термометр должен был показывать температуру выше действительной.

Л. Шварц, рассматривая наблюдения, делавшиеся на прииске, высказал сомнение в том, что так много раз мог быть западный ветер на Ботогольском гольце. Наблюдения производились с помощью флюгера, но направление, по-видимому, отмечалось на глаз. Кропоткин заметил, что у флюгера не было стержня с указателем внутри постройки. При этом параллельные плоскости четырехугольной башенки, над которою поставлен флюгер, расположены так, что имеют направление, близкое к северо-западу, но не северо-западное. При отметках о ветре горизонт делился только на восемь румбов, это могло еще усилить погрешность, так что Кропоткин полагал тоже, что хотя наблюдения Алибера и свидетельствовали о преобладании западных ветров, но этот факт требовал подтверждения более точными наблюдениями. Мало того, были основания полагать, что преобладающие ветры здесь северо-западные или, может быть, западно-северо-западные, так как на прииске возводилась каменная стена для защиты приисковых построек именно от этих ветров.

На наш взгляд, важно не то, что у Алибера были какие-то погрешности в исследованиях, а удивительно, что такие исследования вообще проводились при таком виде деятельности, как горные работы, да еще в совершенно удаленном месте.

В подтверждение этого можно отметить, что после Алибера была предпринята попытка продолжить наблюдения. В начале XX в. горный инженер Я.А. Макеров поставил на месте сожженной часовни метеорологическую будку, но человека, который согласился бы провести год

Современный вид Алиберовского прииска. Фото авторов. 2003 г.

Фрагмент ветрозащитной стенки. Современный вид. Фото авторов. 2003 г.

в пустынном месте, не нашлось.

Еще одним алиберовским чудом на Ботогольском гольце можно считать ипподром, контуры которого отчетливо виды и сегодня. Алибер построил его после 1855 г. Правильной формы овал, четко выделенный специальной «сухой» каменной кладкой (не на растворе). По краям камень больших размеров, внутри – мелкий, дорожка отсыпана совсем мелким камнем, почти песком, то есть шоссирована. Высота каменной стенки до 30–40 см. Посредине ипподрома часовня. На ипподроме Алибер с супругой предавался выездке – отдыху на лошадях. Что могло быть лучше, чем прогулка на лошади на вершине гольца? Рядом скалистые вершины, вдали синие контуры гор, и он, Алибер, на уровне гор и даже выше их: до облаков рукой подать. Возможно, в такой обстановке наступала релаксация. Там, внизу, на заимке, в окружении леса и гор было уже все не так.

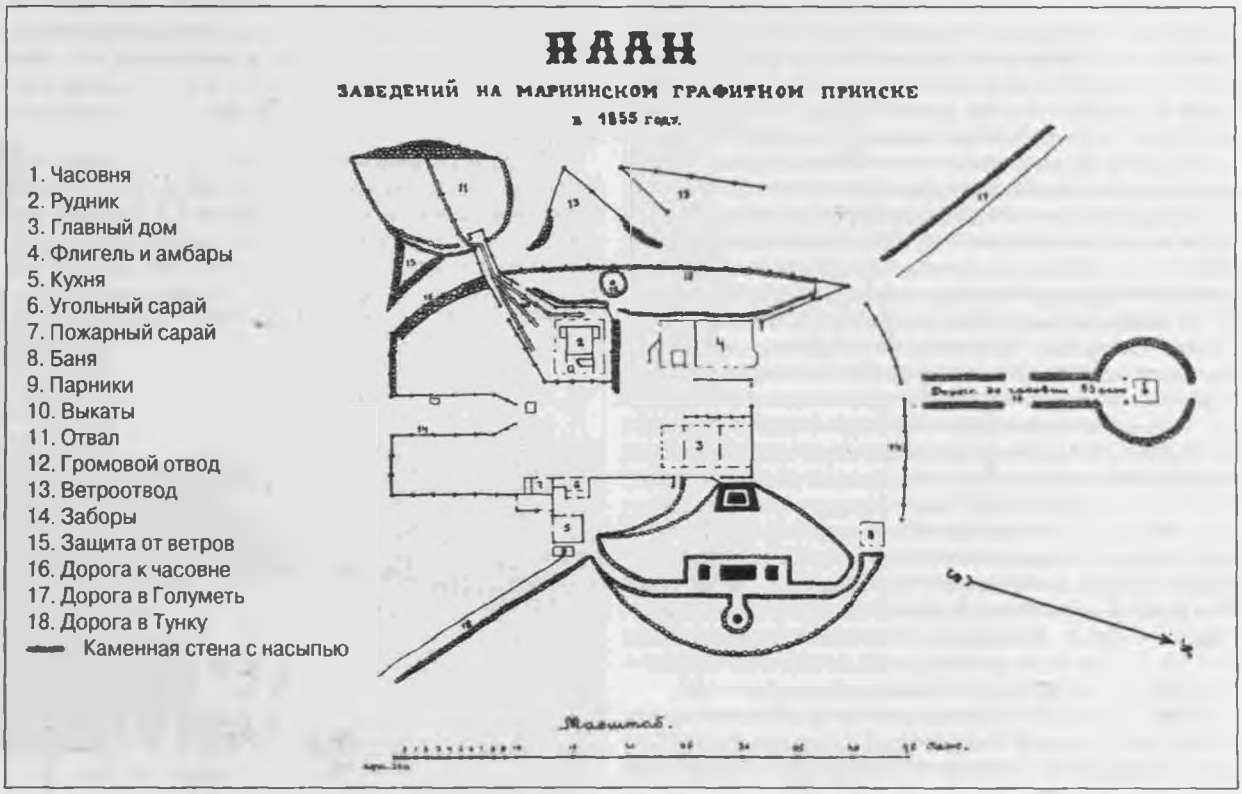
Теперь о дорогах. Какое производство без хороших дорог? А как построить дороги в безлюдной пустынной стране? Алибер вышел и из этого положения. Дороги были надежны, каждая отвечала своему назначению, каждая была построена со знанием инженерного искусства, и, наконец, в каждую была «закопана» кругленькая сумма. По сути дела Алибер отдал всю свою жизнь в Сибири своему руднику и своим дорогам.

Одно из замечательнейших алиберовских творений – дорога от заимки до рудника длиной более чем два километра и шириной до шести метров. Она – плод двенадцатилетнего труда. Дорога была хорошо расчищена, обложена, как и ипподром, с обеих сторон камнем. Она красиво извивалась и давала пологий путь для подъема телег и саней. Эта дорога, спускаясь серпантином с вершины к подсобному хозяйству, продолжалась дорогой в село Голуметь. Перепад высот между заимкой и рудником приличный, а крутизна такая, что даже человеку подниматься в эту гору было невозможно, чего говорить о лошади с поклажей, а тем более с телегой или санями. Алибер устранил это препятствие строительством дороги-серпантина (такой же, как и на Хамар-Дабанском тракте). За счет серпантина путь удлинялся, но уменьшалась крутизна. Изящество и эстетическое развитие видно на каждой пяди дороги, борта которой, где они не обрамлены склоном, обведены весьма красивым тальверком, сложенным из каменных плит, игравших роль перил. По краю крутого склона устроены обрубы, а на гольце дорога обставлена столбиками. Полотно пути отсыпано мелким камнем и песком. Между каждыми двумя поворотами был устроен разъезд (двойная дорога) для ехавших в противоположном направлении[35]. Принципы инженерного подхода очевидны.

Стоимость дороги оценивалась в 2 руб. за вершок (4,44 см)[36]. Дорога прекрасно сохранилась до настоящего времени.

На самом гольце дороги отличались ровностью, были шоссированы, обведены каменным барьером.

Касаясь сообщения рудника с главной сибирской дорогой – Московским трактом, – следует заметить, что и тут много удивительного. Алибер построил две дороги к руднику. Понимая важность и значение хороших путей сообщения, он первым делом обратил внимание на этот вопрос и с огромным трудом прорубил и проложил по хребтам и по речкам специальную тропу на Голуметь (село находилось в 50 верстах от Московского тракта, а позднее от Сибирской железной дороги), по которой можно было провезти все сложное оборудование для графитового рудника. Дорога начиналась от подсобного хозяйства (заимки), шла по речкам Урик, Хоншон (Хончин) и Ботогол и реке Белой и была зимней дорогой. Гужевая тяга существовала в течение четырех месяцев, с конца ноября и до конца марта. (Позднее – от прииска



до железнодорожной станции Половина приблизительно 180 верст и на протяжении 60 верст, ближних к селу, существовала летняя, колесная дорога). Доставка всего необходимого для прииска, равно как и вывозка графита обходилась в конце XIX – начале XX вв. в 20–25 коп. за пуд. На этом пути ранней весной можно было сплавлять паузки с грузом по реке Белой от Вознесенского завода (на половине расстояния от прииска до села Голуметь) в Ангару.

Второй путь, всесезонный, шел на село Тунку, а затем Култук. Расстояние от Тунки до прииска 250 верст, из них 110 верст – колесная дорога, а далее только вьючная тропа. Так как в Тункинской долине было трудно найти рабочие руки и цены на хлеб здесь были выше голуметских, то Алибер, а позже и Поляков, отдавал предпочтение пути на Голуметь.

И так, зимой по льду замерзших рек, отправлялись ящики в Германию. Но большая часть графита, как это ни удивительно, шла сплавом по Шилке и Амуру, на судах через Тихий и Индийский океаны, вокруг Африки и через Атлантический океан. Таким окольным путем сырье попадало в Гамбург на знаменитую Нюрнбергскую карандашную фабрику Фабера. До двух лет длилось путешествие этого ценного груза и трудно сейчас подсчитать, как дорого обходился этот материал после таких бесконечных и сложных странствований.

Сейчас трудно сказать, сколько было добыто и отправлено графита этим путем за восемь лет работы рудника. По некоторым оценкам, это количество было невелико и не превосходит 10 тыс. пудов (около 1000 пудов или 16 тонн в год).

До сих пор сохранились остатки алиберовской вьючной тропы, выводящей в Тункинскую долину. Это была не просека для проводки лошадей, прорубленная в лесной чаще. Это была дорога для вьючных лошадей. В труднопроходимых местах она была обустроена с применением инженерного искусства конца XVIII – начала XIX вв. Топи гатились и застилались специальными мостками, представлявшими собой отесанные с одной стороны и ровно уложенные кедровые бревна. Получался своеобразный тротуар, при ходьбе по которому, наверное, даже лошадь испытывала удовольствие.

Описание пути к алиберовскому прииску имеется в работе Г. Радде. По этому пути он в 1859 г. проник из Култука через Туранский караул (село Туран) по Иркуту, через речку Гарган, перевал Ильтей-Цабан и по речке Сорок[37].

К маю 1859 г. договор с Фабером был обеспечен добычей графита. Часть была отправлена в Германию, часть готовилась к отправке. Денег, выделенных Ф. Занадворовым, не хватило. Нужно было рассчитаться с рабочими и заплатить за провизию. Вырученные же от продажи графита средства могли вернуться к Алиберу нескоро. Алибер принимает решение покинуть рудник. В Иркутске он вновь жаловался на Занадворова в Главное Управление Восточной Сибири и просил взыскать с него необходимые средства. Местная власть смогла выделить только 5 тыс. руб. для расчета с рабочими во избежание «бунта».

Итак, в 1859 г. Алибер покинул свой рудник. В сентябре он был в Петербурге, в Вольном экономическом обществе, показывал образцы сибирского графита, обещал представить на выставку в 1860 г. как сырой материал, так и изготовленные из него предметы. Знал ли он что покинул Ботогол навсегда? Тогда еще не знал, а может, лукавил перед Вольным экономическим обществом.

В итоге найти общий язык с Занадворовым Алибер не сумел. Занадворов должен был построить карандашную фабрику и поставить новое оборудование для рудника, но обязательства своего не выполнил. Алибер уехал в Париж и не вернулся.

В 1865 г. Кропоткин встретил караульщика-сойота, жившего на заимке под гольцом и изредка посещавшего прииск или посылавшего туда свою дочь. Охранять таким образом прииск – за семь верст от него самого – было почти бесполезно. Но если бы кто-то решился в течение шести лет что-то взять оттуда, он был бы замеченным. И прииск остался в том самом виде, как был, – как будто хозяева вчера только уехали: незапертые склады и шахта, на гольце кучи рассортированного графита. Так было в 1865 и 1879 гг.

Сохранившаяся часть Алиберовского ветровала. Вдали видна гора Крестовая. Фото авторов. 2003 г.

Кропоткин отмечал, что шахта с машинами и склады с орудиями оставлены незапертыми, а на поверхности гольца кучи рассортированного графита[38].

Черский, бывший на руднике в 1873 г., также нашел все нетронутым. Даже ягоды и лимоны оставались нетронутыми в погребе[39].

Причины, повлиявшие на прекращение работ на Ботогольском гольце, точно не известны. Ферсман считал, что причиной отъезда Алибера с Ботогола явилось то, что карандашная промышленность к тому времени освоила способ изготовления графитового стержня из прессованного графита, а Алибер вовремя сумел сориентироваться и закончить работы.

Сам Алибер причину отъезда и оставление работ объясняет в письме, отправленном им в 1869 г. из Парижа в Сибирь генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву-Амурскому[40]. В этом письме Алибер сообщал, что его компаньон Ф. Занадворов не выполнил своих обязательств в отношении участия в расходах по оборудованию рудника, а также по оборудованию в Москве фабрики для производства карандашей из ботогольского графита, и одновременно, с этим ставит генерал-губернатора в известность, что он передает все свои права на месторождение казне.

После 1860 г. Алибер активно рекламировал свой рудник во многих странах, отсылая в различные музеи изделия из сибирского графита, издавая многочисленные проспекты и буклеты.

В августе 1860 г. изделия из графита были выставлены на Иркутской художественной выставке. После посещения выставки генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский высказал свое восхищение произведениями и деятельностью Алибера и 23 августа 1860 г. послал ему

Современный вид Алиберовского рудника, затопленного водой. Фото авторов. 2003 г.

Начало дороги к заимке Ж.-П. Алибера. Фото авторов. 2003 г.

письмо на французском языке.

«Мосье! Выставка прекрасных работ, сделанных из графита Вашего рудника, выставка, которую я осматривал в эти дни с большим интересом и с живым удовольствием в залах Сибирского отдела Государственного географического общества, напомнила мне о всех обстоятельствах пятнадцати лет утомительных работ в этой стране, а также о стремительной энергии, употребленной Вами, чтобы достичь полезных результатов в обширном предприятии добычи графита. Я вспоминаю ряд трудностей и препятствий, которые должны были парализовать Ваши действия, но благородная предусмотрительность, замечательная энергия, горячая вера в лучшее будущее и спокойствие, с которым Вы, преодолевая препятствия, достигли наконец желаемых результатов, действительно достойны уважения и делают Вам большую честь.

Я поздравляю Вас от глубины своего сердца и искренне радуюсь успехам Вашей просвещенной активности, которая в этот час Вас награждает так справедливо.

Я не могу, впрочем, помешать себе отдать полную справедливость, что в продолжение пятнадцати лет Ваших работ в Восточной Сибири Вы всегда выказывали себя как хорошего гражданина, полезного, стране.

Прилагая свои усилия в деле развертывания индустрии, которому с благородной самоотверженностью Вы посвятили долгие годы, преодолев большие трудности, Вы в то же время не отказались участвовать в облегчении человечества по мере Ваших средств.

Я знаю про дар в двенадцать тысяч рублей ассигнациями, который Вы сделали в пользу жителей Троицкого, разоренного пожаром, Ваш дар приюту в г. Иркутске, пожертвование, сделанное церкви того же града, и позднее – селу Голуметь.

Я не говорю ни о Ваших поступках благотворительности не менее известных, ни о Вашем постоянном стремлении содействовать каждому полезному и доброму делу.

Все эти факты установлены, и мне остается приятная обязанность, как шефу страны, выразить Вам мою искреннюю благодарность и просить принять уверение в совершенном почтении и моей признательности. Граф Н. Муравьев-Амурский»[41].

Алибер интересовался и нефритом. Он искал валуны и гальки этого камня в речных отложениях Восточного Саяна и вывозил его во Францию. В этом присутствовал дух соперничества, ведь первооткрывателем сибирского нефрита был Г.М. Пермикин.

В 1862 г. все экспонированные в Иркутске алиберовские изделия и коллекция камней, полученная от доверенного лица, выставляются в Лондоне.

В 1867 г. ботогольский графит был представлен на Всеобщей Парижской выставке. Алибер нашел новое употребление графиту – в ювелирных изделиях, которое, впрочем, не прижилось. При этом сильно пачкающий камень был обработан так, что не чернил предметы, с которым он приходил в соприкосновение. За это Алибер получил золотую медаль на выставке в Гавре. Им также была изготовлена из графита и подарена Парижской консерватории искусств большая скульптурная группа с изображением Ермака.

После отъезда Алибера рудник еще работал. В 1860 г. рядом с алиберовским прииском отвод земли получил Г.М. Пермикин, но он сам разработку графита не производил и продал отвод Алиберу с Занадворовым. С пермикинского отвода добыли 730 пудов графита. В 1861 г. добыча графита на руднике была остановлена полностью.

В целом о количестве добытого Алибером графита можно судить с некоторой долей условности. Согласно отчету Алибера до 1 мая 1859 г. было добыто 2530 пудов 26 фунтов графита. После 1 мая добыто 154 пуда, в 1860 г. – 274 пуда и 730 пудов на пермикинском отводе. Следовательно, до 1861 г., когда добыча прекратилась, было добыто 3533 пуда графита[42]. Это без учета так называемого отвального графита, которого с 1857 по 1861 гг. было добыто 6003 пуда.

Лучшие сорта отправлялись на карандашную фабрику. Из отвального графита в послеалиберовское время отбирался лучший графит для изготовления тиглей для Иркутской золотосплавочной лаборатории. Словом, Алибер, сам того не подозревая, обеспечил работой не только себя, но своих последователей на долгие годы.

В заседании Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге 22 октября 1860 г. А. Ушаков демонстрировал минералы, сопровождающие графит алиберовского рудника: желтый и розовый канкринит, голубой содалит, магнезиальную слюду, эгирин, элеолит, флюорит, магнитный колчедан, цинковую обманку, зеленый апатит, кальцит ортоклаз и везувиан.

Ботогольский рудник настолько прочно вошел в жизнь Алибера, что он уже до конца своей жизни не расставался с ним, даже находясь у себя на родине во Франции.

В книге, изданной в Париже, Алибером собраны все доклады, сделанные в различных ученых обществах по поводу открытого им графитового месторождения, выдержки из английских и русских журналов с отзывами о графитовых изделиях, выставленных Алибером в 1862 г. на Лондонской выставке, и письма различных лиц и учреждений Алиберу[43].

Среди сойотов Алибер оставил о себе добрую память своим отношением к людям. Сойоты жалели, что он не вернулся на рудник.

В 1874 г. права на Алиберовское месторождение графита приобрел статский советник В.В. Петров, добывший с 1876 по 1879 гг. 1884 пуда графита.

В 1886 г. наследники Петрова продали прииск за 50 руб. вдове губернского секретаря Т.Ф. Волоковой, которая в 1896 г. перепродала прииск за 4500 руб. иркутскому купцу Н.П. Полякову. Последний добыл на руднике в 1898 г. 1800 пудов графита. Фирма Фабера на предложение приобрести партию графита изъявила желание взять тысячу пудов (более 16 т) с уплатой в Нюрнберге по 15 руб. за пуд. В период 1908–1915 гг. наследниками Полякова было добыто около 3000 пудов графита. В 1898 г. было добыто 30 т графита, а в

Фрагмент Алиберовской дороги на голец Ботогол. Фото авторов. 2003 г.

период 1908–1915 гг. – около 50 т[44].

Наконец, в 1916 г. месторождение переходит в руки С.В. Рутченко, добывшего в первый год 7115 пудов графита, который был отправлен на фабрику товарищества «Графит» в г. Мариуполе[45].

Стоимость поденщины на прииске на рубеже XIX–XX вв. не превышала 40 коп. в день, при следующей продуктовой норме на человека: 4 фунта печеного хлеба, 1,5 фунта свежего мяса, 13 золотников соли, 22 золотника крупы, $^1/_{100}$ ведра водки ежедневно и $^1/_2$ кирпича чая на месяц.

Овес для лошадей привозился, сено же своими рабочими косилось около прииска и обходилось 20 коп. пуд. Цены на мясо, покупавшееся у местных сойотов, колебались от 1,5 до 2 руб. за пуд. Местные жители, сойоты, для каких-либо работ на прииске совершенно не годились, поэтому рабочие люди нанимались в Иркутске.

Разведка и добыча графита для нужд «оборонки» продолжалась и в советское время с большими перерывами, вплоть до 1990-х гг., и советская история ботогольского графита не менее интересная, чем алиберовская.

Примечания

1. Труды Вольного экономического общества. – СПб., 1856. – Т. 1. – С. 15.

2. Канкринит из Тункинских гор // Материалы для минералогии России. – СПб., 1852–1855. – Ч. 1. – С. 109; Там же. – 1858. – Ч. 3. – С. 92; Verh. der Russ. Miner. Gesell. zu St.-Petersburg, 1854. S. 1–4; Materialien zur Miner. Russlands von N. Kokscharow, 1858. Bd. 3. S. 77; Апатит из Тункинских гор // Материалы для минералогии России 1852–1855 г. – Ч. 1. – С. 311; Mater. zur Miner. Russlands von N. Kokscharow 1854–1857. Bd. 2. S. 594; Нефелин с Алиберовского рудника // Материалы для минералогии России. – Ч. 3. – С. 92; Mater. zur Mineral. Russlands 1858 г. Bd. 3. S. 78; Циркон из Тункинских гор // Материалы для минералогии России. – Ч. 3. – С. 169; Mater. zur Mineral. Russlands 1858. Bd. 3. S. 1484; Графит Алиберовского месторождения // Материалы для минералогии России. – СПб., 1862. – Ч. 4. – С. 499; Mater. zur Miner. Russl. 1862. Bd. 4, S. 158; Горный журнал. – 1867. – Ч. 4. – С. 211; О графите Алибера // Горный журнал. – 1864. – Т. 3. – С. 333; О сибирском графите // Экономические записки, издаваемые Вольным экономическим обществом. – 1859. – № 40; Ячевский Л. Об Алиберовском месторождении графита // Записки Санкт-Петербургского Минералогического общества. – 1898. – Ч. 35. – С. 34.

3. Артемьев Б.Н. Полезные ископаемые Бурят-Монгольской автономной области // Труды центр. упр. пром. разведок. – М., 1922. – Вып. 2; Шапиро И.А. Пятилетний план развития графитовой промышленности СССР (1927/28–1931/31 гг.) // Минеральное сырье. – 1928. – № 8; Кудрявцев Ф.А. Из истории алиберовских графитовых приисков (1838–1931 гг.): По архивным и печатным материалам // Известия общества изучения Восточно-Сибирского края. – Иркутск, 1936; Гранина А. Разведчики сибирских недр. – Иркутск, 1948; Солоненко В.П., Кобеляцкий И.А. Восточные Саяны. – Иркутск, 1947; Гусенков В. Чары твои, Ботогол // Сибирь. – 2002. – № 2.

4. Землеведение Азии. Восточная Сибирь. Озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби: Новые сведения об этих странах, служащие последующим выпуском к русскому тексту Риттера, изданному под приведенным заглавием в 1879 г. – СПб., 1894. – Ч. 1. Саянское нагорье а пределах Иркутской губернии до юго-западной оконечности озера Байкал к югу от Большого Сибирского тракта / Сост. П.П. Семенов, И.Д. Черский, Г.Г. Петц. – С. 269.

5. Очевидно, речь шла лишь об обыкновенной бытовой стрижке.

6. Ферсман А., Писарев С. Пионеры Сибири: Пермикин, Алибер, Сидоров // Природа. – 1921. – № 10–12. – С. 41.

7. Тавастгус – город в Финляндии примерно в 400 км от Санкт-Петербурга.

8. Горный журнал. – 1879. – Т. 1. – С. 344.

9. Об отыскании графита в Восточной Сибири Тавастгусским первостатейным купцом Алибером // Вестник Императорского Русского Географического Общества. – Ч. 6. – С. 9.

10. Черепанов С.И. Отрывки из воспоминаний сибирского казака // Древняя и новая Россия. – 1876. – Т. 2. – № 8. – С. 332; Черепанов С.И. Отрывки из воспоминаний Сибирского казака. – Казань, 1879. – С. 51.

11. Землеведение Азии. Восточная Сибирь. Озеро Байкал и Прибайкальские страны... – С. 264; Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Естественнонаучные работы. – М., 1998. – С. 50.

12. Горный журнал. – 1879. – Т. 1. – С. 344.

13. Об отыскании графита в Восточной Сибири Тавастгусским первостатейным купцом Алибером // Вестник Императорского Русского Географического Общества. – Ч. 6. – С. 9; Горный Журнал. – 1855. – Ч. 1. – С. 163.

14. Солоненко В.П. Кобеляцкий И.А. Восточные Саяны. – Иркутск, 1947. – С. 55.

15. Ушаков А. Графит в промышленном и минералогическом отношении. Иллюстрация. – 1862.

16. Кудрявцев Ф.А. Указ. соч. – С. 28.

17. Там же. – С. 29.

18. Вестник Русского Императорского Географического Общества. – 1854. – Кн. 4. – С. 9; Горный журнал. – 1879. – Т. 1. – С. 347.

19. Об отыскании графита в Восточной Сибири Тавастгусским первостатейным купцом Алибером // Вестник Императорского Русского Географического Общества. – 1853. – Ч. 6. – С. 9; Горный журнал. – 1855. – Ч. 1. – С. 162.

20. Об отыскании графита в Восточной Сибири Тавастгусским первостатейным купцом Алибером // Вестник Императорского Русского Географического Общества. – 1854. – Кн. 3. – Ч. 11. – С. 14.

21. Кудрявцев Ф.А. Указ. соч. – С. 28.

22. Правильнее – сиенита.

23. Хотинский М. О недавно открытом месторождении графита в Восточной Сибири // Труды Вольного экономического общества. – 1856. – Т. 1. – С. 11.

24. О минералах из Тункинского хребта, доставленных Императорскому Санкт-Петербургскому Минералогическому обществу Иркутским военным губернатором К.К. Венцелем // Горный журнал. – 1853. – Ч. 2. – Кн. 4. – С. 466–472.

25. Шварц Л. Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического Общества. Математический отдел. – 1864. – Гл. 3. – С. 83.

26. Иркутские губернские ведомости. – 1858. – 5 июня.

27. Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Естественнонаучные работы. – М., 1998. – С. 50.

28. Шпур – скважина маленького диаметра для закладки взрывчатого вещества.

29. Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Кн. 9 и 10. – Иркутск, 1867. – С. 40.

30. Землеведение Азии. Восточная Сибирь. Озеро Байкал и Прибайкальские страны... – С. 257.

31. Черский И.Д. Краткий отчет об исследованиях, произведенных летом 1873 г. в Китойских и Тункинских Альпах // Известия Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. – 1873. – Т. 4. – № 5. – С. 241.

32. Иркутские губернские ведомости. – 1859. – № 32.

33. Гранина А. Указ. соч. – С. 70.

34. Radde G. Berichte liber Reisen im Stiden von Ost Sibirien in den Jahren 1855 bis inci. 1859. – Beitrage zur Kentniss des Russischen Reiches. St.-Petersb., 1861. S. 58.

35. Землеведение Азии. Восточная Сибирь. Озеро Байкал и Прибайкальские страны... – С. 260.

36. Солоненко В.П. Кобеляцкий И.А. Указ. соч. – С. 55.

37. Radde G. Berichte liber Reisen im Stiden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855 bis inci. 1859. – Beitrage zur Kentniss des Russischen Reiches. St.-Petersb., 1861. – Bd. XXIII. – S. 34–60.

38. Кропоткин П.А. Поездка в Окинский караул // Естественнонаучные работы. – М., 1998. – С. 50.

39. Землеведение Азии. Восточная Сибирь. Озеро Байкал и Прибайкальские страны... – С. 269.

40. Артемьев Б.Н. Указ. соч. – С. 215.

41. Гранина А. Указ. соч. – С. 74.

42. Кудрявцев Ф.А. Указ. соч. – С. 36.

43. Alibert J.P. La mine de Graphite de Siberie. Paris, 1865.

44. Шапиро И.А. Указ. соч. – С. 586.

45. Артемьев Б.Н. Указ. соч. – С. 215.